

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ГЛАВЫ «БУРАН»

(прочитать её можно здесь: <http://idina3.ru/UNC>)

незаконченного романа А. В. Смолина «Из Нижнего мира».

(Дополненная и исправленная версия)

«В ту эпоху, когда я [это] писал,
всё клонилось к упадку, гото-
вилось превратиться в хаос».

Герцог Л. де Сен-Симон.

«Он молвил: „Мне вас жалко,

Вы сгините вконец.

Но у меня есть палка,

И я вам всем отец!“».

Граф А. К. Толстой.

Было бы большою ошибкой полагать, что во мраке, оставшемся после *magna romana civitas*, с её даровыми хлебом и зрелищами (так называемая «аннона») для жителей крупнейших городов, св. Бенедикт Нурсийский смог бы даже с помощью своей знаменитой палки поддерживать всеобщую трудовую повинность в основанной им обители, даже тогда, когда число её насельников превысило бы пятьсот человек. Ибо, как сформулировал известный физик XVIII века, маркиз П. Л. де Мопертюи: «Природа — лентяйка. Она всегда выбирает кратчайший из возможных путей [даже для достижения максимального эффекта]» (здесь, кстати, привет всем от Михаила Веллера, с его энергоэволюционизмом!). Так что когда численность насельников привысит пятьсот человек, в любой обители всегда найдутся умные и ушлые деятели, типа небезызвестного Фомы Фомича Опискина, что под лозунгом «все равны, но некоторые — равнее

других!», смогут делать великие дела руками своих менее умных и ушлых собратьев, сами не прикладывая к тому почти ни каких физических усилий.

Поскольку Провидение Господне — увы! — не создало всех одинаково умными, а это, по совместному действию с законом больших чисел, управляющим, надо отметить, по сути всю динамику протяжённого в явленном мире, раз уж этот мир необходимо мыслить безостановочно расширяющимся, и *per primo aggressum* — принципом Мопертюи, не может не приводить к означенному результату. Ибо, согласно закону больших чисел, если количество тел, задействованных в инерциальной системе отсчёта, растёт экспоненциально, при том, что сила тяготения между любыми телами обратно пропорциональна расстоянию между ними, и, более того, сила, действующая постоянно, непрерывно сообщает телу ускорение, — рост плотности вещной среды, т. е. среды не имеющей собственной субъектности, либо обладающей пренебрежимо малой субъектностью, неизбежно ведёт к объективному уменьшению фактора произвола в этой среде, снимая, следовательно, с субъекта большую часть ответственности, на нём некогда лежавшей. Такова в общем плата за дерзость (*to tólma*) первой инаковости в отношении Единого (*o móno*). Формами оной инаковости выступают время, как членораздельность вечности, и пространство, как членораздельность энергии в целом (*enérgeia tou ólou*), вне каких форм мы, по справедливому замечанию И. Канта, не в состоянии представить (*die Vorstellung*) себе ничего положительного, не впадая при этом во внутреннее противоречие.

...Остроумнейшая каббалистическая метафора говорит о Едином перед Его выходом за предвечные свои пределы, что «Он [разом] был, и не был, (...) не имея иного имени, кроме [вопроса] „Кто?“ — одно только желание прозываться именем».

(Отмечу в скобках ещё и вот что. Можно даже с уверенностью утверждать, что поступи Провидение противоположным образом и одари всех одинаково мощными умственными способностями, все мигом перессорирились бы со всеми, поскольку чистый разум (die Vernunft), в своих тщетных всегдашних потугах объять необъятное (точь-в-точь пушкинский учёный скопец с его требованием к царю «подари ж ты мне девицу!»), наплодил бы вскоре всяческих химер, среди коих окружающие увязли бы поглубже прославленного буриданова осла. Помимо этого, из истории известно, что гении, а то и просто талантливые от природы (kathá tēn phýsēn) в чём-либо люди, сплошь и рядом обладают чрезвычайно вздорным характером, будучи, в условиях всякого мало-мальски длительного и тесного общежития, совершенно непереносимы для своих ближих).

Когда же новоявленные господа положения отбросят и декларацию равенства, не без основания объявив à la marquis D. de Sade, что «...если Господь наделил нас страстями, то [было бы] смешно им препятствовать», подорвав, стало быть, и веру в праведность божества, большинство, поняв наконец, на сколько нагло его провели на мякине, потребует под угрозою всё сметающего бунта, равенства с верхушкой, но уже не в труде, а в безделии, — и получают его в виде новой анноны.

Разрастаясь вместе с жирующим социумом, умножая в нём безответственность, аннона будет упрощать умы (die intellktuele Anschauunge), вплоть до новой всесветной катастрофы. Согласно заверению Дж. Джойса (изрядного, однако, шутника!) англичане викторианских времён считали одной из основных своих гражданских добродетелей, существенно отличающей их от обитателей безчисленных британских колоний, то, что умирая, настоящий англичанин не оставлял своим наследникам ни пенса долгов. А теперь скажите, какая из цивилизованных наций нынешнего мира, где «в среднем на каждом из нас — даже ни разу в жизни не бравшем кредитов — висит \$ 86. 000», может объективно похвалиться такою добродетелью?

— Никакая.

— Вот то-то же...

И это — при том, что только по статистике за 2017 год, «82% средств, заработанных по всему миру, достались 1% наиболее богатых людей!»! Всеобщая огромная задолженность вынуждает всех практически участников мирового рынка, а не только этот 1% богатейших, всё быстрее и быстрее раскручивать маховик продаж, искусственно подстёгивая спрос путём прямого вредительства, т. е. делая всё более одноразовых, по-наглому бракованных, вещей даже в тех областях народного хозяйства, как, в частности, в случае с поворотными полугерметическими выключателями, где ни о какой одноразовости а ргіогі и речи быть не может. А это, в свою очередь, с одной стороны постепенно

притупляет ум (die intellektuelle Anschauung) потребителя, приучая его жить исключительно нуждами текущего момента, а с другой — приводит — sic! — к экспоненциальному росту всеобщей же ненависти, поскольку, по точнейшему свидетельству Варлама Шаламова, «человек позднее всего хранит чувство злобы», в силу чего «знание людей бесполезно, ибо [лицо (ο πρόσωπον)] всё равно не сможет изменить своего отношения к негодяю». Подробнее об этом: мои «Заметки по фильму А. Германа „Трудно быть Богом“» (<http://goo.gl/9C9SvQ>).

Надеюсь, вы помните эту историческую байку: «На закате своего долгого царствования, Александр II как бы между прочим спросил у своего адъютанта, отчего же в России неспокойно. На что адъютант Отто Рихтер ответил: „Представьте себе паровой котёл, вокруг которого ходят люди с молотками и заклёпывают малейшее отверстие. Но однажды, государь, пар вырвет такой кусок, что заклепать будет нельзя“».

Это — к воросу о том, что по сути представляет собою в условиях целиком искусственного подстёгиванья спроса на мировом рынке всякая борьба более-менее локальных властей с кризисами перепроизводства, «отмыванием» чиновным жульём уворованных денег в офшорах, а равно и борьба их со в большей или меньшей мере локальными «финансовыми пирамидами». Вот почему не приходится сомневаться в том, что самая угроза всемирного дефолта спровоцирует в один ужасный день попытку мировой социалистической революции, прообразом чего являются, на мой взгляд, нынешние массовые выступления

жёлтожилетников, уже перекинувшиеся до некоторой степени, из Франции на сопредельные государства. Кроме того, здесь необходимо отметить, что ко времени мировой революции наверняка созреют и объективные, сугубо технические предпосылки для адекватного реальному, а не искусственно раздутому спросу, а, значит, и куда более эффективного, чем при Совдепе, планирования развития народного хозяйства в масштабах всей планеты.

Подробнее об этом, далеко выходящим за рамки данной заметки, предмете: книга А. А. Вассермана «Чем социализм хуже капитализма»

(<http://tinyurl.com/awas-soz-fb2>).

Ведь, по мнению большинства современных историков, не самый голод, а, по сути, только пронесшийся по Питеру, вопреки всем мерам охраны по противодействию распространению панических настроений, слух о близком голоде, поднял в феврале 1917-го такую волну недовольства горожан, что та в считанные часы начисто смела бóльшую часть составляющих основательно прогнившего николаевского режима.

Чтобы предотвратить победу мировой социалистической революции 1% богатейших уже в самом её начале сделает всё, чтобы, как и в начале XX века, перенаправить скопившуюся энергию ненависти в русло мировой — ядерной уже! — войны, по всей вероятности, обвинив Китай, либо Россию в подстрекательстве беспорядков в Западном мире. Но сделают они это не из-за того, что, как столетием ранее, захотят, по недвусмысленному признательному намёку Уилстона Черчилля, «сохранить имеющиеся (...) преимущества», а из-за того, что решат в

душе (in die Gemüt) поступить в отношении этих преимуществ сообразно максиме Карандышева из «Безприданницы» А. Н. Островского: «Так не доставайся же ты никому!» — настолько ненависть и одноразовость сознания войдут в жизнь (en to zōbs) каждого. Однако куда всем этим, до-нельзя умственно измельчавшим прохвостам и шутам до вождей Ялтинской Тройки?.. Ибо если даже всякая полномасштабная локальная революция сжирает и всех своих детей, т. е. революционеров, и всех своих отцов, т. е. предшествующую ей властную верхушку, то что же можно сказать о Судном Дне всемирной истории, кроме того, что сказал о нём древний поэт: «...даже праведный с трудом спасётся» (латинское: «...vix justus sit securus»)?! Вот почему мечтания социал-демократических мыслителей о том, что под угрозой социалистической революции акулы мирового рынка вновь, как почти век назад, пойдут на попятную и начнут, выражаясь языком вымогателей лихих 90-х, «делиться» с обездоленными по рецепту дядюшки Кейнса, — едва ли реалистичны. Тем паче, что президент Д. Трамп в конце января текущего года уже распорядился о скорейшей доработке и постановке на вооружение размещенных главным образом в Европе частей армии США, ядерных боеголовок малой мощности, т. е. боеголовок мощностью менее 50 килотонн, необходимых, по мнению американского генералитета, во-первых, для минимизации человеческих потерь армии США в по ходу свержения не обладающих собственным ядерным оружием неугодных Америке режимов; во-вторых, для сдерживания возможности наступательного использования обычных видов вооружения

государствами-членами Ядерного клуба. То есть ядерная война в принципе уже не рассматривается властями США как нечто абсолютно нежелательное и полностью выходящее из ряда обыденных событий.

С другой стороны, если сторонники мировой социалистической революции сравнительно мирным путём придут к власти в самих США и Британии, постепенно полностью подмяв под себя, соответственно, Демократическую и Лейбористскую партии, что было бы вполне логичным оборотом событий согласно воззрениям классического марксизма, поскольку произойдёт в самом технологически передовом регионе планеты, и к чему, если верить мнению д-ра Дм. Саймса, уже сейчас имеются достаточно весомые предпосылки, — они (сторонники глобального социализма), войдя в революционный раж, скорее всего, ударят этими, так называемыми «боеголовками Трампа» по засевающим где-нибудь в Сингапуре, Малайзии или на Тайване, бонзам ненавистного им уходящего буржуазного мира...

* * *

Впрочем, даже в условиях уже начавшейся катастрофы, по словам св. Сальвиана Марсельского, уцелевшие жители ограбленного и наполовину разрушенного варварами Трира (латинское: «Augusta Treverorum»), потребовали в жалобном послании к одному из последних императоров римских не предметов первой необходимости и не войск для защиты города, но незамедлительного восстановления бесплатных цирковых и театральных зрелищ (в ту эпоху то были уже комические пантомимы, а отнюдь не драмы Эврипида, Софокла и Эсхила). И как тут не вспомнить

знаменитое брехтовское:

«Мясник зовёт. За ним бараны сдуру

Топочут тупо, за звеном звено.

И те, с кого давно на бойне

сняли шкуру,

Идут в строю, с живыми заодно».

А коли дело обстоит именно так, что всякий раз подходя ко вратам Эдема — этого Земного Царства полнейшей бытовой Беззаботности! — с надписью по фронто́ну: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям», род человеческий неизменно обречён напарываться на возвращающийся огненный меч (Бытие: 3. 24) всеохватной войны, поскольку состояние нравов и умов (das Führerprinzip: «вся полнота ответственности наверх, при всей полноте власти вниз»), соответствующее Эдему, *in toto* запрещено законами явленного мира (*nómoi tēs kosmós phainomenón*), — то все мы принуждены будем рано или поздно согласиться с Плотиним и И. Кантом в том, что нравственность в сущности не принадлежит к порядку причинности животного или физического мира (*nómos zōē ē phýsei*), принадлежа, следовательно, лишь к умному порядку свободного произвола (*nómos tōn katharón noétōn kai katharón thelēmátōn*) того или иного лица (*o prósōpon*) и его ближнего окружения. И действительно, св. Бенедикт мог силою убеждения и личного примера понудить себя и своё ближайшее окружение к соблюдению устава основанного им монастыря; мог, уже с помощью палки, сделать тоже самое с чуть более отдалённым своим окружением, но что он стал бы делать со вконец испорченным восприятием (*die intellktuele Anschauung*)

упомянутых выше «упоротых театралов» из полуразрушенного Трира?! Ведь невозможно спасти того, кто ни сном, ни духом не хочет быть спасённым, тем паче если они имеют значительный численный перевес над предполагаемыми спасателями... Посему безспорно прав Максимилиан Волошин, написав некогда с горечью (и это касается, увы, не только Руси):

«Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовёт призывный и нездешний
Подводный благовест церквей».

Ввиду этого, когда евангельский Иисус говорит что «Царство моё не от мира сего» и что «Царство моё среди вас», указывая при этом на ближайших своих учеников, он тем самым даёт понять всем нам, что говоря: «Не мир принёс я миру, но меч!», имеет в виду в первую очередь то, что в Св. Коране именуется «Малым Джихадом», т. е. борьбу лица с собственными пороками; а уж много потом — «Газзават», т. е. борьбу против внешней лицу скверны. Если же Малый Джихад до такой степени первичен, то о какой всеобщности спасения для мира может вообще идти речь?! Стало быть, спасение всё-таки — для избранных, что бы там ни бухтели эдековские богословы-самоучки...
Mē pánta péras kathá thanáto.

Марат Зуф. Салихов, 12.4.2019 г.

ДОБАВЛЕНИЕ.

Как может изначально сетевая структура какого-либо многообразного опыта быть подведена под единство восприятия субъекта без того, чтобы сделаться иерархичной сообразно лекалу этого восприятия? Только

упростив сердцевину такового лекала, каковым для всякого субъекта выступает его и только его умная интуиция (*die intellektuelle Anschauung*), по сути, до простейшего каталога, выстраивающего предметы по первому же попавшемуся на глаза общему признаку, типа: «В огороде бузина, а в Киеве дядька», — не иначе. Однако, после утверждения в душе (*in die Gemüt*) подобного образа предвиденья (*to trópos prólēpsēs*) в качестве её дурной привычки, для субъекта вполне возможным становится вывод, что если в Киеве был убит бандеровцами русский имперский публицист по фамилии Бузина, то произошло это, по меньшей мере, с молчаливого согласия чьего-то дядьки, находившегося тогда неподалёку от убитого. Но именно к этому упрощению ведёт Человека, вдавливаемое ему в голову всем теперешним техногенным бытом, одноразовое (или, что тоже самое, «клиповое») мышление вкупе с привычкой полаться в добыче всевозможных сведений лишь на поисковик, без последующего самостоятельного углубления с смысл вычитанного, результатом чего уже сейчас является массовая подмена в сознании даже высшего слоя среднего класса понятия (*die Vorspiegelung*) государственного деятеля понятием массовика-затейника и, в сущности, — шута (*der Narr*).

И эта тенденция, вопреки мнению скверных гносеологов, вроде нашего А. Секацкого (поскольку подобные мыслители *de facto* полагают, будто каталожный принцип сам по себе способен когда-нибудь упорядочить весь опыт, — в полном подобии тому, как в сфере политэкономии сторонники манчестерства полагают едва

ль ни всемогущей «невидимую руку рынка»), многократно усиливает опасность, о которой писал д-р Эко в своём «Маятнике», — опасность перерождения дискурса охлократического «балагана», где избирают на гетманство очередного скоропадского, в образцовый ур-фашистский, шизоидный дискурс! Цитирую: «Вы мухлюете. Вас послушают все. Никто не слушал Земмельвайса, когда тот говорил врачам дезинфицировать руки перед тем, как братья за рожениц. Он говорил неинтересно. Люди охотнее верят в лосьоны против лысины. Люди инстинктивно чувствуют, что в таком лосьоне сочетаются взаимоисключающие сущности, что в нём отсутствует логика и отсутствует честность. Но (...) нелогичное для них означает — близкое к чуду».

Именно «многократно», поскольку из описанного У. Эко расклада мало-помалу выветривается, притупляется инстинктивное (а точнее, интуитивное) чувство подвоха, что, разумеется, в разы, если не в десятки раз, увеличивает горечь от несбывшихся надежд и *respective*, в конечном итоге, ненависть к шулерам-затейникам.

Впрочем дело здесь даже не в ур-фашизме *per se*, но в том печальном факте, что ур-фашизм (см. специальный опыт д-ра Эко об этом феномене: <http://is.gd/4eAagC>) является примитивнейшим — в силу массового притупления чувства подвоха! — видом религии, а всякая религия (в качестве обрядоверия, но — не *poiesis*!) есть только допинг, помогающий мне ужиться с окружающим меня абсурдом. По сути, религия это — своеобразная приторная пилюля, при помощи которой субъект пытается, по мере необузданности воображения, подсластить горечь от всё

возрастающей абсурдности бытия, имя которой — нигилизм и предельной формулировкой которой является шопенгауэрово (см. его «О ничтожестве и горестях жизни») утверждение, что окружающий «мир устроен именно так, как его надо было устроить для того, чтобы он мог еле-еле держаться; если бы он был ещё несколько хуже, он совсем уже не мог бы существовать» и ergo сей мир — худший из возможных миров, ввиду чего было бы лучше, чтобы его и вовсе не было. Сам же абсурд и, соответственно, нигилизм, как его отражение в сознании (*die Vorspiegelung*), не может не расти по совместному, как я уже писал, действию основных законов динамики протяжённого, если только весьма далеко вышедшее за свои начальные пределы (знаменитая формула И. В. Гёте: «*Alles Vergangliche / ist nur ein Gleichnis*») целое остаётся тождественно самому себе, т. е. остаётся, прежде всего прочего, именно целым (*to sýnolon*) и при том протяжённым (в моей терминологии: «членораздельным»). Здесь накапливаются противоречия, которые, не находя снятия в ином, внешем целому, в конечном итоге пускают это целое вразнос. Чтò, однако, вовсе не отменяет возможности посмертного снятия этих противоречий через основательное перерождение целого в свою противоположность. Так, согласно Гегелю (см. его «Иенск. афоризм» № 2), «в момент возникновения протестантизма прекратились все расколы внутри католицизма» (Триденский собор), каковой факт отрывил дорогу к очень медленному его переждению в «иерархический протестантизм» наших дней (II Ватиканский собор), где от прежнего воинствующего католицизма остался лишь

фасад. Тоже относится и к Византии, с её удивительным даже для Средневековья равнодушием к положительной науке, поскольку Византия является лишь христианством, железной волею Феодосия Великого и Юстиниана I вогнанным в опустевшую, но такую для всех привычную (sic!), форму Римского государства. Учитывая это, понимаешь, что оруджавское: «...слава — для убитых, / а живому нужней женщина его» есть единственное по сути, диалектически основательное возражение естественного Человека в ответ на обещание ноосферы снять в обозримом будущем львиную долю противоречий протяжённости вообще и между локальными государствами в частности. Это — если под «славою» тут понимать то, что схоластика понимает под «сиянием» («claritas» в общем равнозначное в латыни «gloria») всякой вещи, т. е. отображение в разуме цельности (to sýnolon) её выполнения (die Verwirklichkeit); каковой цельностью применительно к ноосфере должно стать окончательное снятие для человеческого рода противоречия между умственным и физическим трудом и, соответственно, жизнью (to zōs) искусственной и естественной. посредством постоянного верховенства разума (die Vernunft) над основными направлениями жизни. И то обстоятельство, что в условиях ноосферного, социалистического per essentias, социума, с его гиперразвитыми коммуникациями, очень и очень многое будет вершиться вне зависимости от расстояния в режиме реального времени и на непредставимых ныне скоростях, бесспорно (с некоторой, правда, натяжкой касательно понятия (die Vorstellung) пренебрежимо малой величины,

каковою тогда станет время) является одним из наиболее правдоподобных, с рационалистической точки зрения, истолкований пророчества о том, что после конца истории (die Geschichte) человечества «времени уже не будет» (Откр.: 10, 6). Надежд на достижение сего результата — увы! — остаётся всё меньше, ввиду ускоренного роста нигилизма по всему цивилизованному миру.

Итак, именно участь безповоротного выхода за пределы своего σύλον'а постигла в XX веке европейское антропоцентричное мирочувствие (die Weltanschauung), которое совершенно обмірщѣнно, à la Empire romain, истолковав христианский догмат о Богосыновстве, стало, по мысли гегельянца А. Кожева (см. его «Христианское происхождение науки»), основой безудержной европейской научно-технической любознательности, и, следовательно, первопричиной промышленного переворота второй половины XIX века. Желая предотвратить попадание плодов сего, ещё только назревающего переворота в руки народов неевропейского происхождения, это мирочувствие уже к концу XVII века породило зоологический расизм, обретший своё crescendo в гитлеризме. Когда же этот последний был величайшим трудом и веичайшими жертвами побеждён восточно-христианским мирочувствием братства человеческого рода в его стремлении к равенству в надчеловеческой in toto Истине, которое представлял тогда большевизм, органически всё-таки выросший из недр Православия, — европейская трактовка Богосыновства переродилась в угаре раскаяния (не совсем, правда, искреннего), в свою полную, в смысле

учения о свободе индивида в рамках общества, противоположность в форме того субъективного пофигизма (о нём речь пойдёт в конце данного добавления), который составляет сердцевину неолиберального мировиденья.

Однако вернёмся к нашим баранам. Религия — кто бы сомневался! — может поиметь известный лоск от свесткой науки. присвоив и довольно поверхностно и грубо усвоив её плоды, как присвоило себе плоды античной науки и, прежде всего, платонизма, христианство, а большевизм (та ещё в общем, секта!) — гегельянства, но аналитичного в религии как таковой (а уж тем более в ур-фашизме, с его почти полной обращённостью в стародавнее прошлое в качестве своего идеала) не больше, чем в *libertinage*'e! Ведь и *le libertinage* является точно такую же пилюлей (см., в частности, весьма толковые очерки о нём С. Е. Кургиняна: <http://is.gd/NUvDdl>) для уживания субъекта с абсурдом окружающего мира, что и религия, действуя, однако, в меру необузданности, в первую очередь, чувств, а не воображения. Стало быть, и то, и другое *in ripum* есть не более, чем ухищрение, предпринимаемое субъектом с тем, чтобы убедительней отмахнуться от нигилистического мирочувствия, т. е. от стойкого ощущения того, что слишком многого в мире он постичь, а тем более улучшить, по тем или иным причинам не в состоянии, а значит, *après tout* отмахнуться от знаменитого хайямовского, сакраментального:

«Почему всемогущий Творец наших тел
Даровать нам безсмертия не захотел:
Если мы совершенны, то что умираем?

Если несовершенно, то кто бракодел?».

В частности, будь в правление последних трёх Антонинов изобретён (от чего, по словам некоторых, был буквально в шаге Герон Александрийский), а, главное, внедрён в регулярное производство хотя бы на имперских казённых оружейных заводах, паровой двигатель, то набравший к V веку обороты промышленный переворот придушил бы уже на взлёте нигилистические настроения раннего христианства[1], чем, по всей видимости, спас бы Римскую империю от разрушения, а всё человечество — от падения в непролазную дикость Тёмных веков и вообще Средневековья. ...Хотя и не избавил бы его, веку этак к VII, от тех, мягко выражаясь, проблем с оружием массового уничтожения, с которыми оно столкнулось на самом деле в XX-м. Другой вопрос, кто стал бы внедрять сей двигатель в производство в условиях тогдашней баснословной дешевизны рабского труда и, главное, при полной деградации тогдашнего гражданского общества к холопскому состоянию умов (*zu knechtliche Vorspiegelung*) с его извечной безответственностью на том основании, что вот-де «барин прибудет, барин нас рассудит», — даже если под «барином» имеется ввиду сам Христос?! Как показал опыт сталинской тотальной командно-административной системы, социум с подобным диагнозом не способен к столь крутым научно-техническим рывкам вперёд да ещё и с прицелом на долгую перспективу. Ведь, при всём несомненном величии её достижений, сталинская индустриализация носила характер *par excellence* догоняющий, а не опережающий, не инновационный в отношении

технических успехов Запада, не отличаясь, таким образом, качественно от предшествующей ей виттевской индустриализации. Короче, была б бородушка у бабушки, она бы дедушкой была...

В религии же наибольшее недоумение, на мой взгляд, вызывает даже не утверждение о существовании Творца, как первоисточника всего в мире, но утверждение о том, что Творец всякий раз, когда его с надлежащим усердием попросит о том тварь, нисходит со своих, едва вообразимых для смертного, высот до её ничтожных *sub specie aeternitatis* болячек, хотя, вроде бы, у твари есть предвечно выделенная ей мера свободы и, следовательно, собственная голова на плечах для успешного предотвращения или избавления от большей их части! В самом деле, только идея свободы — в отличии равно и от догматов религии, и от плотских позывов, коие *libertinage* возодит в статус отправной максимы! — не требует для узаконения своего трансцендентального применения, одержимости, всегда препятствующей соблюдению неизменного требования разума ко всякому, желающему обоснованно называться эпитетом «разумный» (латинское «*sapiens*»), чтобы тот руководствовался преимущественно собственным умом (*der Verstand*), — коль скоро разумность характеризуется именно осмотрительностью, т. е. умением держать в поле зрения одновременно несколько разнонаправленных процессов, и пронизательностью, т. е. умением предвидеть развитие событий в этих процессах на несколько оборотов вперёд, поскольку предвиденье того, что не находится в поле зрения субъекта, следует уверенно отнести к разряду мистического, т. е. не

имеющего прямого касательства до дел разума. Так что à propos когда папа Пий XI пишет: «В мире не утрачивается ничего, [тогда как] в войне можно потерять всё», он полностью прав только во второй половине антитезы. Поскольку длительный мир, под действием всё того же принципа Мопертюи, всегда мало-помалу приводит к утрате осмотрительности, а вместе с нею, и аккуратности суждения, что, в свою очередь, ведёт к непрерывному учащению случаев, с одной стороны, всякого рода одержимости, а с другой — одноразового мышления, моста тем самым дорогу новой войне или революции. На то же, что, вопреки И. Канту, применение это — трансцендентальное, а не только морально-практическое (хотя первое тут, безспорно, включает в себя и второе, как одно из своих неотъемлемых свойств), указывает то, что разум является орудием выбора, и было бы очень странно, если бы самого этого выбора объективно никогда ни существовало и существовать не могло, поскольку субъект без объекта невозможен, ввиду того, что иначе он был бы совершенно безграничен во времени и пространстве. Если же кто-то, подобно евдокимовскому петуху, пел, точно зная, что его зарежут за неправильное указание времени этим пением, то почему, скажите, Творец мира должен непременно спасти его от поварского ножа, под который он угодил в основном по собственной воле?.. Но именно этим-то и занимается постоянно, согласно ур-фашистскому мифу, Провидение Божие, руками ниспосланных Им вождей вызволяя Избранный народ из-под ножа сплошь враждебного ему окружения могущественных Untermensch'ей, где этот народ

неизбежно оказывается из-за своего всегдашнего горделивого нежелания признать окрестные народы хоть в чём-то равными ему самому.

Такое положение вещей, как я уже писал недавно, было бы полным подобием того, «как если бы президент какой-нибудь сверхдержавы взял себе за правило вмешиваться в дела управдомов по первому же требованию недовольных жильцов». И я скорее, соглашусь с мнением тех, кто полагает, что Творец заглавременно встроил в механизм мира возможность спонтанного возникновения маловероятных событий, происходящих как раз с теми, кому именно эти события позарез необходимы, в чём невежественное око толпы усматривает феномен «чуда», т. е. момент «ручного управления» Творца сим механизмом, чем признаю действительность факта такого управления, поскольку механизм, нуждающийся в постоянной ручной правке его хода, был бы ещё большей дрянью, чем мир по-Шопенгауэру, и, следовательно, никогда не смог бы стать чем-то действительным, т. е. подолгу не нуждающимся в каком бы то ни было подталкивании своего движения извне, будучи, таким образом, лишь голословной клеветой на Творца со стороны разнообразных манихеев и нигилистов. Более того, будучи отступлением от общего правила (apó to eidón pantós), означенный род событий, в силу спонтанного возникновения каждого из них, не предполагает, однако, существование правила, противоположного общему.

Охранительная же роль религии в отношении нравов всё-таки вторична, и, в общем, сильно преувеличена всевозможными консервативными авторами, поскольку,

во-первых, de facto невыполнима в обществе, где технократический образ мысли (to trópos noématon), склонный обращать внимание лишь на причины, находящиеся в пределах достигаемого, с большим перевесом возобладает над мифологическим, склонным более верить в чудо, первопричина коего quand-même недостижима; во-вторых, поскольку, как верно заметил И. М. Дьяконов, настоящий праведник праведен оттого, что он праведен, так устроена его голова, а отнюдь не оттого, что он склонен, или, напротив, не склонен верить в чудо. При всём вышеизложенном, разумеется, никакое обещание чуда на будущее не может заставить мышление субъекта примириться с тяжестью процесса умирания — слишком уж эта тяжесть бросается в глаза, очень резко контрастируя с живым:

«Пахнет весна тополями
У пустого окна»[II].

А раз так, то вместо чаяемого восстановления нравственности в урбанизированном обществе, насквозь пронизанном технократическим образом мысли, ур-фашизм способен лишь добиться — и то под страхом не прекращающихся увольнений, посадок и даже казней всех подозреваемых в пособничестве потенциальному противнику в надвигающейся большой войне! — колоссального роста лицемерия и статистических приписок. Ибо «мифологическим ключом» — другого-то ур-фашизм попросту не признаёт! — здесь пытаются отпереть «технократический замък», которым его, разумеется, никогда отпереть не удастся. ...Не удастся без того, чтобы в результате большой, ныне наверняка

ядерной, войны, взломать этот «замòк», снеся к ядрёной фене почти всю техногенную среду, его создавшую, и опустив, соответственно, образ мысли немногочисленных выживших и вконец обнищавших обывателей до мифологического типа, характерного для селян допромышленных времён, т. е. для традиционного (в другой терминологии: «патриархального») общества. А уж «патриархально-мифологический замòк» единственным для ур-фашизма «ключом», конечно же, откроется мигом... На чтò ур-фашистская властная верхушка скорее всего, в конце концов и решится, поняв, что все прежние меры породили в итоге один только пшик. Таким образом осуществится мысль поэтов общеевропейского умственного направления «Fin de siècle» о Со-Бытіи (хайдеггеров «Ereignis», как воссоединение лица со своим, почти уже выпавшим из его поля зрения, бытійным дном-основанием, mit Grunde), полагающего конец нигилизму посредством резкого упрощения устройства міроздания:

«В час Рассвета холодно и странно,
В час Рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
„Анна! Анна!“ — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой
встанет.

Анна встанет в смертный час».

и

«Из замшелой могилы
Восстанет сияющий Гиммлер,
И туманом глазниц
Обоймёт Абсолютный Рассвет».

Анна здесь — символ невинности Бытия во всей совокупности устремлений его становления, т. е. в его целостности и сути, раз это целое *ipso facto* всегда больше простой суммы своих частей. Тогда как Гиммлер (он же — Командор), напротив, символизирует невозможность для лица (хайдеггерово Вот-Бытие, *Dasein*[ш]) со всею его непрерывно растущей обособленностью, инаковотью в отношении Бытия-Единого, понятой обоими оппонентами как дерзость, принять эту невинность, — невозможность, порождающая в результате становления злобу и горечь. Ведь Командор, будучи воплощением этой злобы, в сущности, — лишь *alter ego* дона Жуана. Однако — поскольку, по Гегелю, всякая вещь существует только до тех пор, пока содержит определяющее её противоречие! — Анна и Гиммлер также в конечном итоге являют собою лишь две стороны одной «медали», имя которой — свобода *Dasein*'а в рамках тварного мира. Бытие же, будучи *per se* Единым, не содержит такого противоречия, в силу чего М. Хайдеггер и утверждает, что «Бытие есть ничто», т. е. ничто из сущего. А ежели так, то Бытие есть полнота (*ta pléōnēta*) свободы в отношении сущего, т. е. полагание невинности сущего в сплошности его становления, данной как полагание бывшего не-бывшим, и, следовательно, рассмотренное с субъективной стороны как прощение, а с объективной — как отрицание отрицания. Но такое всестороннее рассмотрение *Dasein*'ом Бытия, как своей

участи (die Geschichte), по мысли Хайдеггера, неминуемо упраздняет самый механизм накопления горечи, самый механизм нигилизма. Однако возведя в статус отправной максимы старое соломоново «Всё пройдёт; пройдёт и это», не укрепит тем самым ли Dasein пофигизм в качестве своего основного мирочувствия? А ежели всё-таки укрепит, то о каком искоренении нигилизма можно вести речь?! Похоже, Хайдеггер здесь ни сколько не берёт в расчёт французскую поговорку, гласящую: «Слишком хорошо — тоже нехорошо» — поговорку, выражающую на сугубо бытовом, правда, уровне смысл (to eidos) такого, предельно основательно встроенного в самую «ткань» сущего, математического положения, как теорема Гёделя, а этот смысл, к сожалению, запрещает какое бы то ни было сведение сущего per se к чистому ничто (kath'oukontón). Ведь именно такого сведения требует, в силу своей всеобщности, соломонова максима, а оно невозможно, за невозможностью употребить понятие излишка в отношении непротяжённого, как принципиально неделимого на какие-либо части. В конечном счёте, в онтологическом уже смысле, — раз уж «всё действительное — разумно» и, таким образом, «нет разницы между сущим мыслимым и мыслящим»[14] — это тщетное стремление свести воедино несводимое выступает основанием для умного круговорота всех вещей в мире, поскольку, стремясь к тождеству с ничто, сущее совершает перемещение на прежде пустовавшее место, т. е. на место, которое до этого перемещения занимало ничто, а ничто, соответственно, занимает место, где прежде находилось сущее. Таким образом сущее играет с

ничто, как щенок — с собственным хвостом. Вот к этим-то, малоутешительным *in toto*, «догонялкам» и круговерти сводится в конце концов топика, т. е. учение о месте в міроздании, хайдеггера Бытія! По степени негации мірочувствія, навеваемого ею, топика эта *quand-même* ближе к поэтам направления «*Fin de siècle*», с их сумрачным настроем души, чем к жившим на зоре цивилизации элеатам — как бы Хайдеггер ни старался убедить себя и читателя в обратном. Просто элеаты, в силу очевидного преимущества в качестве жизни ранне-классической античности над только-только оставшейся позади архаикой, — по большей части ещё первобытной и оттого нищей! — не могли быть столь мрачны в своём обычном мірочувствіи.

Но всё-таки, отчего сущее подспудно всегда стремится к тождеству с ничто, постепенно занимая его место, и тем самым совершая движение? Оттого, что сущее стремится навсегда сохранить свою самотождественность в качестве той или иной вещи, а сделать это можно лишь став полностью единым, т. е. избавившись ото всех, как внешних, так и внутренних противоречий (ещё согласно платоновскому «Пармениду», вторые не возможны без первых, коль-скоро речь идёт о протяжённом!), т. е., идём далее, утратив всякую протяжённость, перестав быть сущим, перестав быть этой вещью, уничтожившись. В этом — первопричина неутомимой деятельности того, что Шопенгауэр называл міровой Волей. Деятельности однако, вопреки мысли Шопенгауэра, не только самоистязательной, но и самоутешительной, поскольку в силу того, что стремление к сколь можно долгому

сохранению самоидентичности всё-таки не угасает, у сущего всегда остаётся некая, дон-кихотская в общем[v], надежда на достижение данной цели. Мир-то в целом и в самом деле никуда не движется, будучи в качестве Бытия, всегда тождествен самому себе, поскольку всё, всякая вещь, уже вошла в мир, и нет ничего, что бы в мир не вошло! Таким образом, в отношении долголетия, не быть ничем из сущего совершенно равносильно тому, чтобы быть всем сущим сразу (из чего à priori ясна волновая природа Бытия). Вот из этой дон-кихотской après tout надежды на непрерывность самоидентичности индивида в силу его не прекращающегося участия в деятельности мира, и возник, надо думать, сперва тезис всех религий о бессмертии индивидуальной души, а много позже и убогий тезис Хайдеггера, будто Бытие есть ничто; дескать: «Душа противится смерти? Противится. Значит, душа бессмертна». Меж тем, из того обстоятельства, что волна никогда не перестаёт быть частью моря, вовсе не следует, что низвергаясь в его пучину, она останется и впредь как-либо обособленной, не смешиваясь с остальной водой. С другой стороны, утверждение, будто Бытие есть ничто (to méon eidetikós) безосновательно, поскольку Dasein, входя в Бытие как одна из его важнейших частей, однозначно не тождественен ничто, хотя и полагает его в качестве объективного, т. е. quand-même внешнего, условия своей свободы. Допущение же обратного означало бы ошибочность тезиса Эпикура, гласящего: «Со смертью своей я не встречаюсь. Когда я есть — её нет; когда она есть — меня нет.», а он-то как раз верен, в силу непреходящей самоутошительности сущего ipso facto. Ибо

даже лицо замыслившее самоубийство и, следовательно, намеренное как можно скорее избавиться от собственного Вот-Бытия, тешит себя надеждою, что недостаток физических сил или решимости не воспрепятствует в последний момент этому намерению...

И гегелевское положение о противоречии, определяющем всё сущее как таковое, — единственное по сути, что остаётся в «сухом остатке» после выноса за скобки богословского учения о том, что если бы Творец вовсе исключил бы при создании мира самую возможность возникновения зла в просветах (en tōn alētheiōn) между по-разному направленными добрыми устремлениями, то решимости (der Entschließung) лица в его осознанном следовнии добродетели, просто не нашлось бы места для употребления; тогда как в наличном мире зло возникает то тут, то там, будучи, в сущности, равнодействующей несоизмеримых сил таковых устремлений (что, кстати, есть кратчайшее и наиболее точное определение общеплатонического понятия тѐон'а!). А, с другой стороны, спросим себя: «Могло бы ничто обращаться во зло, слепящее добро его же собственным отражённым светом, так как смогло к тому моменту поднакопить избыточную энергию (ta enérgeia kai die Verwörklichkeit) добра, которое перед этим преусердствовало в своих усилиях из-за того, что ограничивающее его своё-иное оказалось пренебрежимо малой величиною, — могло бы ничто проделывать подобные фортели, если бы природа самого Бытия не была волновою?» Разумеется, нет. Поскольку наличие в «ткани» Бытия пренебрежимо малых величин (т. е. величин, сводимых для an sich сущего к

ничто) обеспечивает такую упругость целого (ta plérōma), что всякая попытка его изменения требует тем большей решимости, тем серьёзнее намеченное изменение и его ближайшие последствия. И потому прав Фр. Ницше: «Если слишком долго вглядываться в бездну, бездна начнёт вглядываться в вас».

Ибо только с лица начинается путь решимости, следовательно, оно есть Dasein по преимуществу! И только лицо может пройти по нему до конца; тогда как для всех сколь-нибудь крупных сообществ на этом пути всегда встаёт одна непреодолимая преграда, а именно — закон больших чисел. Впрочем, в силу того же закона, бóльшая часть лиц, даже если речь заходит о гениях, мало чем отличается в своих устремлениях от общества, которому они сызмальства принадлежат:

«У Карбюзье тò общее с Люфтваффе,
Что оба потрудились от души
Над современным обликом Европы:
Чтò не успели разнести циклопы,
То с лёгкостью снесли карандаши».

Но здесь въедливый читатель наверняка спросит: «В чём состоит различие между решимостью и одержимостью»? Отвечаю: с одной стороны, решимость предполагает, что цели лица и средства к их достижению имеют сугубо финитное определение, и потому, в отличии от целей и средств, полагаемых догматами религии, являются — кроме свободы an sich, которая выступает тут лишь в качестве среды! — только посюсторонними (ens immanentis), но не запредельными (ens transcendentis), не приводя, следовательно, après tout к ступору разума; с

другой стороны, будучи долгосрочными, эти цели и большая часть средств, в отличие от le libertinage, с его преимущественно одноразовыми целями и такими же средствами, не приводят в конечном итоге к существенной атрофии разума в следствии длительного неупотребления в полной мере осмотрительности и пронизательности, обыкновенно всё же присущих лицу от природы. Всего этого никак нельзя сказать об одержимости, которая есть, по сути, тупое следование однажды втемяшевшейся в голову мысли, не отдающее себе сколь-нибудь полного отчёта ни в средствах к достижению намеченного результата, ни собственно в возможности или, напротив, невозможности его достичь. Термин же «финитный» в данном определении означает, что причинно-следственный ряд, ведущий к какой-либо выбранной цели как вполне известному субъекту объективному результату его действий, состоит из конечного числа элементов, последний из которых, является на момент целеполагания всесторонне достигаемым для умозрения субъекта, как если бы тот уже обладал им в качестве предмета общевоспроизводимого опыта.

Однако, я вновь отвлѣкся. Около года назад уже, что называется, «под занавес» ежегодного заседания Валдайского дискурсионного клуба, Владимир Путин, лишь от части шутя, сказал, что если США первыми нанесут ядерный удар по России, все погибшие русские граждане тотчас же попадут в рай как мученики. Но что, спросим себя, в наши дни всеобщего шутовства, прочно воцарившегося в некогда христианской части мира, не

произносится с долей этакой посмодернистской иронии, — даже если её предмет столь велик или ужасен, что ни о каком его вышучивании, по здравом рассуждении (*die Verständige*), не должно быть и речи?! Так что, повторяю, нынешние правители всё меньше и меньше рассматривают ядерную войну, как нечто абсолютно нежелательное и полностью выходящее из ряда обыденных событий. Пусть даже эта мысль высказывается ими пока что лишь в сугубо гипотетической форме.

Если же властная верхушка откажется от ставки на религию в деле укрепления общественной нравственности, место религии в качестве отвлекающего человека от нигилистического мирочувствия ухищрения неизбежно займёт — поскольку в условиях общего роста нигилизма религию стало невозможно заменить никаким положительным идеалом! — *le libertinage*[vi], в конечном счёте ещё больше подстёгивающий этот рост и, соответственно, через всеобщий пофигизм (т. е., полнейшее равнодушие ко всем сколь-нибудь долгосрочным ценностям, с его всегдашним лозунгом: «*Après moi le déluge!*»), разрушающая целостность гражданского общества, уничтожая в итоге и самоё государство со всею его властью. Ибо там, где холопами либо временщиками с повадками шутов становятся все, там уже нет места настоящему хозяину, поскольку подлинный хозяин это — всегда самодержец (*das Führerprinzip*), полностью отвечающий за хозяйство, вверенное ему Провидением, если ни перед Ним Самим, то, по меньшей мере, перед будущими поколениями, что,

однако, категорически несовместимо ни с холопским образом мысли, ни с одноразовым образом мысли временщика, паяца и нигилиста; и в этом мироощущении хозяина — вся суть нравственного образа мысли. Подробнее об этом: моя заметка «О Максе Штирнере» (<http://is.gd/P5Wf45>).

Но подобная деградация гражданского общества, как показала история позднего Рима, неизбежно рождает в ещё не затронутой ею части общества огромный умственный запрос на ультра-консервативный, в пределе ур-фашистский, дискурс, — даже если консервативная составляющая этого дискурса существует в одном «флаконе» с хилиастическо-коммунистической утопией, как то имело место в ходе становления христианства. Таким образом здесь налицо самонатягивающийся процесс. В самом деле, искусственное раздувание спроса на мировом рынке путём производства всё менее долговечного товара, стало следствием учащения кризисов перепроизводства, повлекших за собой существенное сжатие рынка, что, в свою очередь, влечёт значительное снижение количества рабочих мест *par excellence* в промышленно развитых регионах планеты, которое правительства этих регионов пытаются восполнить наращиванием оборотов военно-промышленного комплекса, включая сюда и сегмент оружия массового уничтожения. С другой стороны, уже гипертрофированный спрос и *per se* одноразовый характер товара порождают колоссальный рост нигилизма, т. е. в первом приближении, социального пессимизма, вызванного как всеобщим характером задолженности и

великим переселением народов из регионов бедных, где нет ни должного минимума рабочих мест и кредита под их создание, в регионы богатые, где и то, и другое имеется, так и всё усугубляющейся деформацией климата, который, из-за постоянного и повсеместного роста количества самого разнообразного мусора от быстро износа одних вещей и производства новых взамен прежним, становится год от года эксцентричнее в своих переменах. Правители могут сколько угодно говорить о том, что Грета Тунберг весьма скверно осведомлена в том, о чём она по-наглomu берётся раассуждать. Но какое, скажите на милость, дело было К. Демулену, когда тот призывал толпу к штурму Бастилии, до того факта, что самым известным из освобождённых узников её окажется сексуальный маньяк Д. де Сад?! Ибо, как верно отметил ещё всё тот же Соломон, «любовь сильна как смерть», а революция это всегда — смерть старого, переплетённая в очень тугую косицу с самой горячей любовью к только-только нарождающемуся новому, и, в силу того, что бóльшая часть фактов о новом ещё не явилась миру, судящая о нём лишь исходя из надежд, поданных этой любовью к новому и, равно, смертельной неприязнью к старому.

Рост же нигилизма ведёт к почти скачкообразному повсеместному росту умственного запроса на ультра-консервативный дискурс и respective к дальнейшему сжатию мирового рынка из-за набирающих всё больший размах взаимных санкционно-протекционистских мер *inter omnes terrae*, а затем, — к дальнейшему раскручиванию правителями маховика

военно-промышленного комплекса, в тщетной надежде возместить убытки от этого сжатия. В результате, оружия и угроз применить оное становится так много, что, по словам одного моего знакомого отставного капитанана подводного флота, они, по закону больших чисел, подобно чеховскому ружью, просто не могут не выстрелить, окунув однажды планету в пучину новой мировой войны.

Но посмотрим на дело ещё шире: само нынешнее всеобщее увлечение геополитической тематикой является прямым следствием того, что нигилизм в наши дни вплотную подошёл к своей наивысшей точке. В самом деле, когда художник и философ Макс Кантор пишет французскому интеллектуалу Ришару Мийе: «Никакой веры, помимо веры в геополитику, не осталось. В социализм, в христианскую доктрину, в коммунизм без государственного аппарата тем более — не верит никто [в мире]. Да и в демократию уже не верят...», он имеет в виду именно то, что в нашем мире уже не осталось иного мышления, кроме мышления ценностями. Поскольку геополитика есть мышление исключительно ценностями, так как, согласно формулировке Альфреда Боймлера, философа, личного друга Хайдеггера и знатока наследия Фр. Ницше: «Все оценки ценностей являются только следствиями и точками зрения на службе у Воли к Власти». А такое мышление Хайдеггер справедливо определяет как необходимо чреватое «радикальным смертоубийством», так как Бытие здесь становится лишь «функцией от ценностей» (или, по меньшей мере, функцией от самого Dasein'a, как Воля к Власти у Ницше), определяемых après tout только мнением как взглядом из той или иной точки в

пределах сущего, а не полаганием Dasein'ом ничто (to tón) в качестве поля для свободы сущего, находящегося, однако, вне сущего. А это, разумеется, — поскольку такое полагание составляет, по Хайдеггеру, суть Бытія! — напроць пресекает самую возможность явления Бытія в нашем міре, т. е. (выражаясь в терминах самòго Хайдеггера) пресекает самую возможность бытійствования Dasein'а, — коль-скоро возвышенное, одно лишь проливающее для Dasein'а свет на суть Бытія, полностью выпало как таковое из поля зрения лица (об этом речь пойдёт чуть дальше). Ввиду чего становится ясно, почему столь точно сформулированная Василием Рòзановым (см. его очерк «Пестум») отправная максима капиталистического міровиденья, составляющая основное упование старого либерализма, и гласящая: «Ни богов, ни бесов, ни вины, ни правды. Мы будем торговать, а [всё] остальное не важно», полностью закономерно и оттого весьма плавно трансформировалось к нашему времени в отправную максиму турбокапиталистического міровиденья, которая составляет, соответственно, основное упование неолиберализма, и гласит: «Мы будем торговать, пока всё, что мешает этому не разлетится вдребезги»[vii]. Эта трансформация, воистину сделавшая наш век полночью всемірной истории, её «часом быка», произошла не из-за ошибки древних мыслителей в определении подлинного содержания Бытія, как тò полагагал Хайдеггер (каковая мысль, без преувеличения, есть одна из самых вздорных частей его учения), а оттого, что, ввиду повальной нищиты, предшествовавшей тому объективно, вещей было понаделанно так много, что они,

несмотря на всё сверхбурное развитие коммуникаций, заслонили собою одно лицо от другого и от per se ничто, сделав жизнь Dasein'a безпросветной (ouk'alētheiós) в силу отсутствия подлинного понимания сущности Бытия, данной как полагание ничто в качестве поля для свободы лица, при том, что лицо, в свою очередь, есть лишь полнота (ta plērōma ē to sýnolon) развития Dasein'a, предвечно заданная в его участи (die Geschichte). Ибо, как верно то, что, по меткому выражению кого-то из французских романтиков, кажется, Шатобриана, «жаднее богатых только бедные», также верно и то, что ненасытнее бедных до всевозможных вещественных благ только скоробогатые, сиречь вчерашние бедные. Они ненасытны вплоть до полной потери из поля зрения того обстоятельства, что глядя на их безчисленные причуды и излишества, те, кто ещё не достиг такого уровня благосостояния, всё быстрее и быстрее наполняются лютой завистью и злобой, и, следовательно, они (скоробогатые) тем самым рубят сук, на котором сами же сидят, создавая почву для новой революции. Но что может избавить всё живое (pánta tēn zōēn) от приступов такой безумной алчности, если, как уже было сказано выше, сущее, при всём старании своём, может лишь меняться местами с ничто, но не отождествиться с ним?.. В силу чего, в отношении сущего per se безспорно прав Шопенгауэр: оно и в самом деле создано по большей части именно так, чтобы еле-еле обеспечивать свою целостность (to sýnolon), препятствуя собственному распадению на отдельные части, т. е. не допуская гибельных для этой целостности промежутков (to méon) между частями, и

случаи долгой жизни «на широкую ногу» представляют собою весьма редкое исключение из общего правила, т. е. *eidos*'а. Впрочем при чём же тут собственно Шопенгауэр? Шопенгауэр, войдя в своеобразный раж, присущий всякому нытику, — а всякий нытик так или иначе заиклен на чувственном! — лишь незаслуженно распространил на всё Бытие (*Seyn*) правило, на деле относящееся лишь к сущему (Бытию, «*Sein*»)... «Сама природа не умеет сохранять меры, но к спасительному страху, [который оберегает жизнь, побуждая всякого обходить угрожающие ему опасности,] всегда примешивает страхи пустые и напрасные, — так что всё (если бы можно было заглянуть в [самые] недра вещей) преисполнено паническим ужасом» — писал ещё на излёте XVI века лорд Фрэнсис Бэкон Веруламский в части VI своего трактата «О мудрости древних». Таким образом всякий свободный ныне в чём-либо ежечасно может утратить эту свободу, которая отойдёт кому-то другому, и зная об этой опасности, не бывает свободным, по гамбургском счёту, — раз свобода есть осознанное (*der Entschließung*) полагание *Dasein*'ом ничто в качестве поля для переделыванья сущего по своему замыслу — почти никогда, поскольку велики глаза у страха и будучи свободным от одного, он не будет свободным от противоположного, начисто упустив последнее из виду. Так что новой всемирной бойне едва ли кому удастся помешать, поскольку и правители, и их избиратели уже стали жертвами одноразового образа мысли, развившегося в условиях того всеобъемлющего одноразового, пофигистского в сущности, быта, закономерной вершиной

кого всегда выступает le libertinage. Ввиду чего в 2017-м в ходе фабрикации дела об отравлении Скрипалей британские власти почти не заботились о corpus delicti, поскольку, в отличии, к примеру, от дела о поджёге Рейхстага в 1934-м, дело это с самого начала никто и не собирался доводить до суда, — знали, что довод о «высокой вероятности» виновности подозреваемого (т. е. русской контрразведки) и без того отлично подействует на умы общественности англо-саксонского Запада. Однако, это ещё не весь расклад... Знаменитое ленинское определение революционной ситуации: «...верхи не могут [жить по-старому], а низы — не хотят». Но низы никогда не хотят продолжения эксплуататорского «банкета», это ни разу не ново и, в общем, не критично. А вот когда верхи, точнее, вообще все сколь-нибудь наделённые собственностью, ответственностью и властью, не могут, то, будучи принуждены постоянно заниматься вместо свойственной им деятельности, её имитацией, — они постепенно утрачивают чувство подвоха, вплоть до полного отупения, вплоть до известного несуразного ответа Марии-Антуанетты о пироженных, когда ей доложили об отсутствии хлеба у парижской бедноты, и ещё более несуразного интервью Руслана Хазбулатова про то, что он-де — «наивный, добрый человек, которого все обижают, [и который] не нападает, а [лишь] защищается»; вплоть до возложения всей вины за происходящие в стране беды исключительно на масонов и иностранных шпионов. И всё же эта причина отупения верхов — вторича, ибо, в силу нравственной автономии всякого ipso facto лица в отношении явлений природы, она вступает в дело только

на завершающей стадии развёртывания общего их действия.

Ведь, как правильно подметил тот же У. Эко (см. его «Поэтики Джойса», часть II, гл. «Метафора нов. науки»), мирочувствие джойсова «Улисса», — а значит, и большей части людей современного постхристианского мира, ибо именно таков основной предмет этого, воистину эпохального, рамана! — сводится к мирочувствию его главного персонажа, комивояжёра Блума, засевшего по большому в сортире собственного дома с утренней газетой в руках, для которого, уже нет ничего подлинно грязного (а я бы ещё добавил: «и, равно, подлинно возвышенного»), поскольку и акт дефикации, и процесс чтения статьи, и усвоение её, независимо от её *an sich* содержания, сделались моментами единого в своей сплошности (*die Totalität*) витально-когнитивного потока, — короче, всё, решительно всё, стало, пользуясь выражением сказочного Карлсона, пустяком, делом житейским. Отсюда *à propos* происходит и распространение во всех слоях общества иронии в качестве хорошей манеры при общении. Поскольку на этом катастрофическом уровне нигилизма вышучиванье поражения становится единственным способом хоть не надолго отстранить от себя его горечь, тогда как прежде отстранение субъекта от своего поражения нередко происходило посредством умственного погружения в возвышенное, т. е., попросту, по ходу созерцания возвышенного. «Я спешу посмеяться над всем, иначе мне пришлось бы заплакать» — очень точно сказал П. О. Бомарше в канун Великой Французской революции, когда

французское общество фактически находилось на том же уровне нигилизма, где сегодня находится вся наша цивилизация в узком смысле сего термина. Не трудно заметить, что насмешка над всем решительно, в том числе и над тем, что в силу его величия, по здравом рассуждении, вышучиваться никак не может, только обезценивает слово, ведя respective к дальнейшему росту нигилизма, к дальнейшему затягиванию петли на шее висельника... И, стало быть, массовая склонность к ёрничанью есть, в сущности, лишь фйговый лист, прикрывающий отчаяние собственной неподлинности лица соотнесённое с одноразовым мылением, подчас доходящее в своей лихости, если носитель такового мирочувствия поймает известный «ниспровергательный» кураж, до презрения к смерти. Ибо что ж ещё может получиться, ежели перевести изложенное на язык басни, кроме всё усиливающегося от застолья к застолию отчаяния, сущего в виде отворачивания к фйговым пирогам, когда пироги эти давно уже печёт сапожник и все делают вид, что так всегда и должно быть, поскольку все или почти все по какой-то, не вполне внятной причине уже полностью забыли, что из себя представляет настоящий пирожник и самый род его деятельности?.. Во II томе романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» (см. хотя бы хлётский очерк об этой книге Д. Быкова: <http://idina3.ru/WTv>) главный его герой, преуспевающий адвокат Клим Иванович Самгин, сидя в московском трактире в сочельник 1905 года, спрашивает симпатизирующего ему сыщика уголовной полиции Митрофанова, завербованного в последствии охранкою: «Будет ли [в России] революция?», на что тот без

промедления отвечает: «Непременно будет, Клим Иванович! Слишком много лихих людей стало». Так вот, я чем дальше, тем больше склоняюсь к мысли, что мой, уже упомянутый здесь, знакомый отставной капитан подводник в сходных трактирных обстоятельствах отвечал бы столь же поспешно на мой вопрос: «Будет ли Третья мировая война, Сергей Михалыч?» подобною же фразой: «Непременно будет, Марат! Слишком много стало всюду клованов». В самом деле, Горький в этом романе (как позже Б. Пастернак в «Докторе Живаго») приходит к выводу, что глубинной причиной великой русской революции стала, выражаясь языком Хайдеггера, полная утрата подлинности[*vun*] всеми без исключения участниками общественного договора, когда частные моральные принципы (ценности, одним словом) были посредством *progresso ad infinitum* возведены в статус религиозного фетиша и, соответственно, отправной максимы, поскольку эти принципы оказались в огромном дефиците из-за того, что им на самом деле очень мало кто следовал. После чего было решено, что ради соблюдения этих принципов (равенства ли, единоначалия ли, национального ль суверенитета — тут не важно) можно убивать или самому быть убитым, поскольку, в силу всеобщей неподлинности, всякий а priori был склонен считать другого шулером, а с шулерами обычно разбираются с помощью первого же попавшегося под руку канделябра:

«Поручик выпьет перед боем
Глоток вина в походной фляге
И через час железным строем
Уйдёт в психической атаке. (...)

Давно проверены мундиры,
Чтоб блеск там был,
Где блеск положен,
И офицеры-командиры
Уже торжественней и строже.

Вопрос решён, итог не важен:
За Русь, за власть, за честь, за веру
Идти им полем триста сажень,
Не прикасаясь к револьверу»...

И эта одержимость ценностями, и *respective* радикальное смертоубийство ею вызванное, продолжалось до тех пор, пока в статус отправной максимы не была возведена свобода в её подлинном понятии (*die Vorstellung*), т. е. *per primo aggressum*, понимание Бытия как подвижной системы противовесов, позволяющая противоречиям, путь и временно, сосуществовать в рамках единого целого. Стало быть и одержимость уступила тогда место решимости построить социальное целое на основе принципа свободы, по результатам какового строительства, и этому целому, сиречь гражданскому обществу, и большинству его частей, сиречь учатникам общественного договора, необходимо вернётся подлинность, А такое понимание свободы становится возможным лишь при условии, пусть и молчаливого, но полагания люффа (*ta alētheía kai to méon*) между бытийными противоречиями в качестве ничто, как поля для свободы *Dasein*'а. Но Бытие перемежающееся пустотами, временами меняющееся с этими пустотами

местами, будучи подвижным равновесием между сущим и ничто, и есть, безспорно, Бытие в абсолютно всеобъемлющем смысле (en to eidón pánoion) сего термина! ...Другое дело, что у либералов, вместо первоначально заявленной решимости построить свободное общество на основе равновесия прав, с одной стороны, общества как целого, а, с другой — индивида как части, вышел столь же радикальный перекоc в сторону фетишизации прав индивида со всеми его наличными «глупостями и мелкими злодействами», почти сплошь случайными в отношении этого целого, какой был некогда у большевиков — если только те были искренни в своих убеждениях! — в сторону фетишизации прав «трудового народа»[ix]. Посему неолибералам ли мычать о свободе и её попрании всевозможными тиранами, когда, по здравом рассуждении, их идеологию уже впору запрещать аналогично ваххабизму?!

Возвышенное же per se выпадает из поля зрения индивида, как только он предположит, что оно есть не более, чем одно из многих явлений-моментов витально-когнитивного потока, скорость которого и, соответственно, бóльшая или меньшая членораздельность его мометов, заданна лишь как изначально от природы присущая тому или иному индивиду чуткость схватыванья многообразного опыта. Низводя возвышенное до положения простой связки многообразного сугубо индивидуального опыта, объём которого quand-même ограничен этой чуткостью, всякий, будучи логически последовательным, неизбежно выбивает почву из-под допущения о существовании каких-либо ценностей,

возвышающихся над той или иной субъективной точкой зрения, над тем или иным мнением (ta dóxa), тем самым прокладывая широкую дорогу пофигизму на основании безудержного эгоизма. И напротив, при правильном его понимании, т. е. понимании как чего-то a priori едва соизмеримого, но всё же соизмеримого, Dasein'у как телу (ta sóma), возвышенное, как я уже тут писал, есть то единственное, что проливает для Dasein'a свет на подлинную суть Бытия, поскольку самим фактом таковой соизмеримости оно уже приглашает Dasein сперва просто удивиться своей громадностью, а затем и задуматься (такова toto genere суть хайдеггера термина «poiesis») над тем, что уже не является этим телом, да и телом (а, значит, сущим!) вообще. На мой взгляд, лучше Блезе Паскаля написать об этом удивляюще-ужасающем приглашении просто невозможно! Цитирую: «Молчание этих глубин ужасает меня: пространством вселенная объемлет меня, [тогда как] мыслью я объемлю её». И что же остаётся в «сухом остатке» после того, как из поля зрения лица полностью выпадет это приглашение, этот «зов Бытия», как его называл Хайдеггер? Только мрональная круговерть сущего и ничто в пределах Бытия да всё возрастающая объективация, т. е. полагание чем-то совершенно обособленным от воления лица, тех или иных ценностей — вплоть до уже в общих чертах обрисованной здесь их фетишизации как дефицита. А то, что самые важные из ценностей, сравнительно быстро по историческим меркам, окажутся в дефиците, ясно из того, что поскольку самое важное тут будет считаться независимым от воления лица, лицо будет всё больше и

больше сосредотачивать своё внимание на всяких мелочах[x], уж точно от него зависящих, — в силу чего качество важнейшего будет неуклонно снижаться.

Ценности же не могут при подобном раскладе не приходиться в упадок, поскольку они per se укоренены не в причинности природы, но в причинности свободы. Стало быть и мѣональной круговерть Бытія можно с полным основанием признать лишь в этом последнем случае, т. е. когда «хвост» ценностей крутит «щенком»-Dasein'ом, а не наоборот, щенок — своим хвостом.

Но разве не «блумовским» по своей сути было мірочувствие римлян I века н. э., для которых максима Л. Сенеки «что естественно, то не безобразно» делала рукопожатным едва ль ни любого проходимца и извращенца, поскольку предствление (die Vorstellung) о противоестественном, как впрочем по большей части и о сверхъестественном тоже, начисто выветрилось из их сознания? И когда в «Сатириконе» Г. Петрония миллионер-латифундист, бездетный педофил и сноб-вольноотпущенник Тримальхион с гордостью рассказывает на пиру своим сотрапезникам, как он в течении своей, некороткой в общем, жизни, благодаря упорству и предпринимательской сноровке, многократно преумножил состояние своих былых бездетных хозяев, единственным наследником которых он стал, — он, ни сколько не стесняясь, упоминает и главную причину, того, почему наследником сделали именно его: «Из Азии приехал я, не больше вон этого подсвечника (...).

Четырнадцать лет по-женски был любезным моему хозяину; ничего тут постыдного нет — хозяйский приказ.

И хозяйку убоготорял тоже» (гл. lxxvi). Но мір, где не осталось по сути никакого представления о причинности, кроме причинности природы, неизбежно кончит великой бойней, ибо по историческим меркам достаточно скоро из него полностью исчезнет и само хозяйственное отношение к действительности, единственным основанием которого служит представление о существовании причинности свободы, *toto genere* параллельной причинности природы, а единственной кодификацией — поредставление о чести! Кроме того, как только такое мірочувствие станет уделом подавляющего большинства граждан, горечь разочарования оттого, что «всё не по-нашему вращается кругом» начнёт накапливаться в обществе чуть ли ни лавинообразно... Пусть даже объективные показатели качества жизни этого міра будут лучшими за всё время наблюдений. Понимая всё это, я не перестаю удивляться точности формулировки Б. Ш. Окуджавы:

«...всё начнётся вновь,
Всё должно в природе повториться:
И слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться».

Марат Зуф. Салихов, 3.6.2019 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Не спроста же отец св. Мартина Турского — рядовой солдат, отвагой и смекалкой дослужившийся до высокой должности войскового трибуна! — заковал его, шестнадцатилетнего, в кандалы как бесноватого, когда тот категорически отказался от служения Риму на военном поприще, предпочтя служение Церкви. И даже когда сын

достигнув всеобщего уважения на духовном поприще, обратил в христианство мать, отец, отчётливо сознавая, что ежели все сколь-нибудь талантливые граждане предпочтут служение «небесное» — «земному», Риму придёт конец, всё равно отказывался примириться с сыном.

ii. «Пахнет весна тополями». В. В. Улин, май 2019 года.

iii. Точнее говоря, Dasein есть не только субъект сам по себе, но, пользуясь удачным выражением Л.

Витгенштейна, под Dasein'ом следует понимать «атомарный факт субъекта», который есть данный субъект плюс вся совокупность непосредственных обстоятельств, его сформировавших.

iv. «Uok héteron ohíō óntos toû noouménou kai toû nou» — Arist. «Metaphysica»: XII, 9.

v. Вспоминается блестящая с своим отточенным лаконизме, характеристика мирочувствия дона Кихота, данная Ф. Г. Лоркой. Цитирую по памяти, и потому за точность первой строки, увы, поручиться не могу:

«И сидя на тощей кляче,
Старый идальго спешит:
„Могут лишить удачи, —
Отваги никто не лишит!“».

Лично я ни сколько не сомневаюсь, что роман М. Сервантеса снискал себе, не увядающую уже пятое столетие славу именно этою, крайне редкою в своей цельности, подлинностью основных действующих лиц в их неуклонном стремлении к самым благородным целям, данною по контрасту, с одной стороны, с обычной лживостью придворной жизни, а с другой — с тем, почти

лишённым идеалов обывательским существованием, которое у нас столь непревзойдённо мастерски описывал А. П. Чехов, и уравновешенной, уже со стороны автора *per se*, его искромётной иронией в отношении перспективы реального достижения сих целей. Мне, наверное, возразят, что рассудок (*der Verstand*) донна Кихота изрядно замутнён помешательством, в силу чего здесь налицо скорее одержимость «рыцарскою» *idée fixe*, нежели решимость (*der Entschluß*) в хайдеггерово-кантовском смысле этого слова. Но ведь в отношении всегдашнего спутника полоумного идалго в его безчисленных приключениях, действительно хитрого крестьянина Санчо Пансы довод этот очевидно не работает, а кроме того, направление намерений человека ко злу или к добру определяется, в первую очередь, не рассудком, а душою (*die Gemüt*)!..

vi. Вот что пишет о том в своём очерке «Раздумья старого врача-мужчины» киевский ортопед высшей категории Анатолий Антонович Мельник:

«Ни чем не сдерживаемые сексуальные влечения и фантазии неизбежно заканчиваются половой распущенностью, ведущей к содомии, педофилии, зоофилии и даже некрофилии.

Каких-то 100—150 лет назад у [рядовых] европейцев с 10—12-и часовым рабочим днём не осталось избытка физических сил и времени. Придя домой, у мужчины едва хватало сил, чтобы поесть и упасть на лежанку, чтобы на завтра, чуть свет, собираться на работу. На любовные излишества просто не оставалось сил. Положение женщины было ещё более тяжёлым. Фактически до недавнего времени „Адам и Ева“, как сказано в Библии, до

конца дней своих в поте лица добывали хлеб свой насущный, соотношение соитий с последующей беременностью носило почти естественный характер. У современного Homo Sapiens'a всё складывается иначе, труд в большинстве своём стал физически не изнурительным. Сил остаётся невпроворот и их с лихвой хватает на любовные удовольствия. А презерватив и оральные контрацептивы сделали секс абсолютно „безопасным“ в смысле последующей беременности».

vii. Не трудно заметить, что последняя фраза представляет собою предельно сжатое и при том исчерпывающе точное определение образа действия (to trópos práxēs) Д. Трампа, а, значит, и самый трампизм, как исторический феномен, является на деле не отрицанием предшествующего и номинально противостоящего ему неолиберализма, но лишь закономерной вершиной его исторического развития.

Французский политический мыслитель XIX века Л. Блан утверждал: Лудовик XVI потому поступил вопреки здравому смыслу, позволив в 1785-м суду парижского парламента разбирать дело кардинала Лудовика де Рогана, обвиняемого в краже у ювелиров Бемера и Бассанжа бриллиантового ожерелья, стоимостью свыше полутора миллионов ливров золотом, что непреклонная в своём бешенстве логика Великой революции 1789-го, по гамбургскому счёту, уже вступила в свои права. При том, что по тогдашнему закону, дело де Рогана, как представителя знатнейшего аристократического рода Франции и князя Церквы, должен был рассматривать либо суд епископов, либо сам король, тогда как

буржуа-парламентарии могли бы, в принципе, докопаться до подковёрных итриг королевы, желавшей погубить ненавистного ей кардинала, — редкостного даже для Галантного века транжиры и *bon-vivant*'а! — повесив на него обвинение в подделке её королевского автографа, с помощью которой и была совершена кража. Этим Лудовик XVI стяжал на свою голову недовольство дворяства, поскольку поставил под удар сам принцип божественного происхождения как собственно королевской власти, так и всякой законной власти вообще.

И тут напрашивается вопрос по аналогии (довольно, впрочем, тонкой): не поступает ли ныне Трамп вопреки здравому смыслу, когда со всей силы давит на компании «Гугл» и «Хуавей», рискуя в итоге обрушить доллар из-за хотя бы частичной продажи китайским государством принадлежащей ему доли казначейских обязательств США, и этим стяжая на свою голову недовольство американской и мировой буржуазии, — не поступает ли он так оттого, что бешенная логика мировой войны уже вступила в свои права?! И, по-видимому, теперь, как и тогда, до радикальной катастрофы остаётся не более четырёх лет... Но если так, — спросит въедливый читатель — то почему же правящая верхушка, видя, что её вождь подставляет под удар её важнейшие интересы, не устранил его без промедленья, как устранили, к примеру, нашего Павла I или Дж. Ф. Кенеди?.. Отвечаю: правящая верхушка не торопится с этим оттого, что, утратив всякую подлинность своего *Dasein*'а, просто не в состоянии вообразить себе, что её противник может однажды снести до основания весь, к данному моменту насквозь пропитавшийся

обманом, наличный социальный порядок, коль-скоро этот, давно вошедший в привычку, порядок по сей день, пусть и в разной мере, но всё-таки устраивает все стороны общественного договора.

Именно об этой утрате — едва ль ни самая сардонистическая фраза Ветхого завета: «Ты взвешен на весах, и найден очень лёгким». Ибо та, всё усиливающаяся глупость властной верхушки, которая делала её лёгкой добычей оккультных шарлатанов как во Франции в последние шесть лет перед разрушением Бастилии, так и в России за такой же срок перед большевицкой революцией, а ныне, несмотря на очевидную всем высокую вероятность распада Соединённого королевства, что непосредственно вытекает из осуществления намеченного, бросила британцев в цепкие объятия сторонников жёсткого разрыва с Евросоюзом, — глупость эта объективно не оставляет старому порядку ни малейшей надежды на сколь-нибудь долгое сохранение. Так что в этом смысле (en to eidón) нет никакой разницы между Жозефом Бальзамо, Г. Е. Распутиным и Бёрисом Джонсоном, — даром, что последний не является ни коим боком оккультистом!

...«Ты взвешен на весах, и найден очень лёгким». Об этой, срединной части надписи, что, согласно Книге пророка Даниила, была в зашифрованном виде собственноручно начертанна Творцом міроздания на стене пиршественной залы прямо во время последнего разнузданного пира последнего же вавилонского царя, — о части, указывающей на ту невероятную неподлинность Dasein'a, которая как правило, предшествует всякой великой

исторической бойне, и которая, попросту, немислима в любую другую эпоху, отчего-то обычно или вовсе забывают, или упоминают лишь вскользь, когда рассуждают о так называемой «Фукидидовой ловушке». Меж тем, именно на «Фукидидову ловушку» указывает, на мой взгляд, третья, заключительная часть этой надписи, гласящая: «Царство твоё отдано [во власть] персам и мидянам», относящаяся ко второй части как следствие к причине. Но точно так же и срединная часть выступает лишь следствием первой, гласящей: «Исчислил Бог царство твоё и положил ему конец», так как она, по-моему, указывает на то, что закон больших чисел предвечно определён Творцом в качестве основной «пружины» социальной истории — в меру того, насколько история эта вообще подлежит действию причинности природы.

viii. «...старомодно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли» — Хайдеггер, М., очерк «Просёлок», 1949 г.

Таким образом, «подлинным» Хайдеггер именуется того, кто способен, не наступая, что называется, на горло собственной песне, *sine ira* воздать с равной справедливостью «Богу — богово, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево». Следовательно, эту естественную справедливость, которая есть неотъемлемое стремление всякого разума (*to nous*) схватить ту меру, благодаря которой соединение разнородных (*heterogenós*) частей образует некоторое подвижное целое, Хайдеггер считает основным содержанием понятия (*Begriff und eidos*)

«подлинного». Поскольку когда это стремление почему-либо притупляется, — деградирует разум (некогда присущее всякому разуму *auf dem Gebiet die intellektuelle Anschauung* чувство подвоха мало-помалу сходит на нет), а предмет его мысли постепенно распадается на отдельные части, и наконец они оба погружаются в хаос неподлинного, мэонального *Dasein*'а.

А ещё эта хайдеггера мысль до предела опрозрачивает загадочные слова декабриста Михаила Лунина, написанные им уже на безсрочной каторге, в Акатуйском остроге: «В этом мире [бывают подолгу] несчастны только глупцы и скоты». *Sapienti sat, rives!*

ix. Если об основной ошибке настоящих марксистов и, в частности, большевиков я уже писал совсем недавно (см. мои «Прологомены к критике тезиса Якова Кедми»: <http://idina3.ru/uTU>), и мне добавить к этому решительно нечего, то о главной ошибке всех искренних либералов, включая также и неолибералов, написать здесь всё же стòит.

Это, в сущности, всегда ошибка М. Горбачёва, который, ежели выразиться бильярдным языком, «сдал игру» западным противникам советского режима, под устное обещание, что те оставят проигравшую сторону в покое, тогда как на деле те, почти сразу же после этой сдачи, объявили себя победителями в холодной войне, приступив к ускоренному грабежу проигравших. Он, таким образом, думал, что ради общей конечной цели кто-то в нашем, изобилующем противоречиями мире может отказаться от своей ближайшей победы! Меж тем, даже США, всегда наиболее последовательно проводившие в жизнь эти сàмые

либеральные ценности, смогли в полной мере приступить к защите прав всевозможных меньшинств не раньше, чем покروшили в фарш многочисленные индейские племена, населявшие некогда их территорию, — покрошили не менее целеустремлённо, чем то намеревался сделать А. Гитлер с евреями и цыганами! И если бы, например, царское правительство в течении без малого двухсот лет пребывания Эстляндии в составе России сделало бы с наиболее пассионарную и, следовательно, предрасположенной к мятежу, частью эстонцев тоже, что американцы сделали с наиболее пассионарной частью тамошних индейцев, а оставшихся эстонцев ассимилировала бы, как ассимилировала Пруссия оказавшихся под её пятой, после двух разделов Речи Посполитой, поляков, то Северо-Западная армия генерала Н. Н. Юденича имела бы осенью 1919-го надёжный русский, зажиточно крестьянский, национально ориентированный тыл, а не христопродавцев-сепаратистов, сливших и северо-западников, и сами ценности Белого движения большевикам и англичанам под обещание независимости Эстонии — всегда *in toto* полуиллюзорной. Короче, выражаясь фигурально, Северо-Западная армия, бесспорно, имела бы вполне надёжный тыл, если бы за Нарвою располагалась не инородческая Эстония, но вполне русская по своему языку и мировидению Тамбовщина с её «антоновщиною». Быть может, и самый исход Гражданской войны был бы тогда таким же, как в Германии 1918-го. Однако русские всё же обычно не в ладах с безпримесным прагматизмом... «Может для этой

поганой Земли / слишком уж вы благородные?».

х. Такова, в частности, подоплёка сосредоточения внимания публики промышленно развитых стран на усовершенствовании не допускающего ушибов сверхмягкого покрытия для детских площадок — несмотря на то, что синяки с мелкие ссадины заживают у ребёнка вдвое быстрее, чем у старика, попутно à rebours приучая его ко всё более точной координации движений. Так почти всё внимание гражданского общества сосредотачивается на профилактике мелких болячек и муниципальных выборах, обеспечивающих подбор лиц, в одной профилактике компетентных, тогда как значительно более сложные механизмы государства и человеческого восприятия считаются отлаженными настолько хорошо, что самая мысль о необходимости хотя бы иногда прибегать к ручному управлению ими зачастую отбрасывается, как бредовая. Тем временем, с одной стороны, коррупция — поскольку, как гласит пословица, рыба тухнет с головы! — мало-помалу разъедает высший и средний уровни государственной власти, а, с другой стороны, изнеженность ещё быстрее разъедает Dasein. И если применительно к малым странам, в меру сохранения ими своего суверенитета, первое — не критично, так как низовой, средний и высший уровни власти там совпадают, либо расположены очень близко друг от друга, чего никак нельзя сказать о сверхдержавах, — то второе бьёт решительно по всем.

...И ураган «Катрина» летом 2005-го не порушил бы так сильно Новый Орлеан, если бы вода Grate River, прорвав дамбу, не затопила бы окрестности, а прорыв дамбы,

выстроенной ещё при Франклинe Рузвельте, стал. в свою очередь, возможен из-за того, что мэр города, при Рейгане уже, присвоил средства, выделенные ему из федерального бюджета на ремонт плотины, — присвоил, чтобы quand-même пожить подольше на широкую ногу!